

25 июня 1988 г.

Наш поезд то летел, то замедлял ход на станциях с чудными названиями: Танхой, Ин, Теплое Озеро, Ерофей Павлович, Зима. Вдоль Байкала поезд ехал долго, то уходя в леса, то приближаясь к озеру, совсем рядом. Деревья вдоль железной дороги становились все выше и разнообразнее. Запомнился вокзал Омска: с неба срывался снег, несмотря на июнь, но уже пахло «материком». Дачные поселки в Красноярском крае выглядели как на открытке: добротные разноцветные дома, затерявшиеся в густых лесах. Ближе к центру пейзаж скучнел, простор открывался взгляду, заборы деревенских домов покосившиеся, а дворы пустые.

А я вновь и вновь вспоминал, как ты пришла меня провожать, эту невыносимую тяжесть оттого, что мы не увидим и не услышим друг друга завтра, послезавтра и многие-многие дни, что вот только встретились и расстаемся. Ведь «расставание – маленькая смерть». Я вспоминал очарование тобой, волнение от мысли, что ты появилась в моей жизни, а еще недавно я не знал, что ты есть на свете. Я вспоминал радость, с которой просыпался и засыпал, нетерпение в ожидании твоего звонка. И этот бег куда-то, неважно куда, но где будешь ты, где я увижу тебя.

Я знал, что вдогонку мне летит письмо. Ведь ты сказала, что мы расстаемся, чтобы писать письма. Эта мысль немного примиряла меня с предстоящей разлукой.

И вот передо мною твое письмо. Я, как уже повелось, сначала повертел конверт, рассматривая рисунок, штампы на нем, всматриваясь в твой почерк, по написанию своего имени угадывая твое настроение, а потом только его раскрыл. Несколько раз прочитал приветствие и побежал по любимым буквам.

Ты уже считаешь дни. Остался 141 день. И моя жизнь в эти дни будет подчинена ожиданию твоих писем.

17 февраля 1989 г.

Утро. Я пью кофе. И спешу написать тебе.

Ночью я проснулся от страшного сна, долго осознавал, что это только сон. Меня некому было успокоить, потому что все спали. Да и всякому ли это нужно? Я подошел к окну, отдернул занавеску: луна бросала свою дорожку на толстый лед реки, угадываемой за темными пятнами деревьев, а по другую сторону спали дома, вдалеке тускло горели фонари, где-то там был твой дом. Очень хотелось еще кому-то это показать, но было некому. И всякому ли это интересно?

Сейчас я выйду на улицу, встречу кого-нибудь, поприветствую его, мы продолжим путь вместе, мы будем говорить, мы будем вести беседу, так заведено. Но я опять не буду говорить о том, что меня волнует. Всякому ли можно сказать?

Как же часто человек оказывается совсем один...

Но теперь у меня есть ты. И я тебя скоро увижу! Пусть будет пауза между произошедшим и рассказом тебе. Но я могу все о себе тебе рассказывать, я могу довериться тебе. И тебе это будет необходимо, интересно. И ты все будешь понимать так же, как я. И ты всегда найдешь нужные слова.

У меня есть ты! Я не один в этом мире. Это такое счастье! И видишь, как солнце поворачивает на весну, скоро она придет, наша с тобой весна. Весна, которая мне тебя подарила.

29 июня 1989 г.

Сегодня мне хочется подарить тебе самое лучшее, что есть в этом теплом солнечном дне. Я дарю тебе букет полевых цветов. Я мечтаю положить их на подоконник твоего открытого окна ранним утром. Представляю себе: ты просыпаешься,ходишь к окну посмотреть, что за день, а там цветы, и ты знаешь, что они от меня, и они видятся тебе трогательными. Но ты живешь высоко под крышей, мне не дотянуться до заветного окна комнаты, где ты еще спишь, когда я подхожу на рассвете к твоему дому, чтобы первым поздравить тебя. Вдруг ты услышишь мой голос в своем легком утреннем сне?

Это лучший день в году, потому что в этот день появилась ты, моя любимая девочка!

И мне хочется, чтобы встречающиеся на твоём пути цветы эти напоминали обо мне. Пусть они всегда будут от меня.

27 октября 1989 г.

Какое же у нас с тобой было лето! Первое лето вместе. Казалось, мы расставались лишь для того, чтобы немного поспать. Уже с первыми лучами солнца, когда еще ничто не нарушало утренней тишины, шли гулять. Потом были книги, фильмы, музыка.

Как же солнце светило нам этим летом! Где были все остальные? Только ты и я. Мы никуда не спешили, у нас была целая жизнь впереди. И тревоги будут потом. А это лето, единственное такое лето, беззаботное, передышка.

Потом была волнующая осень. Мне думается, что вот это и есть настоящее, это и есть жизнь, когда не думаешь о том, что будет, а все хорошее, что было вчера у нас, с нами и сейчас.

И у меня кружится голова, у меня она давно кружится, я знаю что-то... Я знаю, что ты меня любишь. Я несу в себе эту любовь, свою и твою, и меня так много...

А ты пишешь, что завидуешь даже улицам и домам, которые меня радуют и на которые я смотрю. И счастлива оттого, что завтра меня увидишь и сможешь со мной говорить.

И у нас с тобой еще впереди много-много хороших дней. Звоночек мой, будет наша зима, весна будет вновь!

16 апреля 1990 г.

Солнышко мое, здравствуй!

Ты уехала, а мне хочется писать о тебе для меня.

Знаешь, утром я открываю глаза и еще не успеваю подумать о тебе, а ощущение тебя уже есть. Я оглядываюсь вокруг: каждая вещь связана с тобой, даже если ты ее не касалась. Под звон апрельской капли я выхожу на улицу, меня там все радует, но, на что или на кого я бы ни смотрел, вижу только тебя (а ты спрашиваешь, на кого смотрят сейчас мои глаза) и слышать хочу только тебя. Между строчек книги, которую читаю, я разговариваю с тобой. Ты заполнила собой все, что меня окружает. Получается, что ты всегда рядом. Мне нравится, что все мои мысли и желания стремятся к одному-единственному человеку. Иначе себя не представляю.

Я тебе еще не рассказывал, что мечта о тебе, такой не похожей и похожей на меня, появилась у меня одной длинной дорогой. Мне было двенадцать, и я определялся для себя, что главное в жизни. С тех пор я люблю дорогу и свою мечту. Все это время я жил в ожидании тебя.

А еще я напишу тебе, что мне часто хочется тебя защитить. От грусти, от боли – не все знают, какая ты хрупкая.

Приезжай скорее. Я тебя очень и очень жду. Я буду ждать тебя всегда...

30 октября 1990 г.

Знаешь, какие запахи того времени, что у нас уже позади, останутся со мной? Это запах прошлогодних иголок в лесу под ногами и запах горящих торфяных болот под палящим солнцем или вперемешку с дождем. Запахи нашего с тобой времени.

Мы с тобой вместе. И я тебя люблю.

Ты пишешь мне такие письма... Наши с тобой письма полны воспоминаний. Но ведь нам и сейчас хорошо? Что же мы забываем ценить это наше сегодняшнее?

Ты иногда упрекаешь меня в том, что я отвлекаюсь на преходящее и уходящее, что смотрю уже не так, как раньше, на тебя. А я по привычке своей рисовать что-нибудь в тетради, сидя сначала на уроках, потом на лекциях, все рисую дорогу к дому с единственным для меня светящимся окном. Ты спрашиваешь, верю ли я в наше будущее, давно решив для себя все, решив, что всякая любовь имеет свой конец. А я знаю, что ты собой заслоняешь для меня всех и вся. И я хочу, чтобы так было всегда.

18 июля 1991 г.

Звездочка моя, ты пишешь, что тебе там хорошо: большой город с его бульварами, запахи зеленой листвы и цветов, всегда тепло, и так не

хочется возвращаться в наши края. Но, несмотря на все прелести отдыха, тебе так не хватает меня.

Еще ты пишешь, что тебе нагадали, будто я принесу нехорошее. Чем же? Тем, что ты меня будешь помнить? Если нам суждено расстаться, ты будешь вспоминать обо мне с нежностью и грустью, а я буду искать похожую на тебя. И, конечно же, не найду.

Я думаю о том, что мы не забываемы. Мы никогда не забудем того, кто нас любил. Мы будем вспоминать того, кто внушил нам любовь. И в этом есть трагедия. Мне кажется, что всякая любовь в чем-то обязательно трагична. Все остальное – как у нашего поэта: «И так они старели оба».

Мы с тобой идеально не забываемы: любимые и любящие. А может, будет все иначе?

Вот куда приводят меня мысли после твоих зарисовок, на которых мы с тобой врозь.

Послушай, мне тут другая картинка нарисовалась, аж зябко стало. Лет так через двадцать пять... По сколько нам будет? О-о!! Метро. Я захожу в полупустой вагон, сажусь на свободное место. Ехать долго, я достаю книгу, которая всегда со мной. Пока открываю ее на нужной странице, оглядываю тех, кто вокруг... Напротив сидишь ты, склонившись над книгой, которая тоже, понятно, с тобой. Я смотрю, что называется, во все глаза, уже сомневаюсь. Ты, почувствовав взгляд, поднимаешь глаза от книги. Смотришь. Я порываюсь встать, чтобы подойти или хотя бы кивнуть в знак приветствия. Но ты смотришь, и на лице твоём ничего не происходит. Ты в другом времени, в другом измерении. Я осознаю, что ты узнала меня. Но я чужой для тебя, ты резинкой стерла меня со всех страниц своей книги, меня давно уже нет на этом свете для тебя. Мы продолжаем смотреть друг на друга, считая невежливым отвести взгляд. И, чтобы это прекратить, я выхожу на первой остановке. Жду другого поезда. Нет, скорее, там, между поездами, меня хватил удар.

И вспоминается из «Обыкновенного чуда»: «Слава храбрецам, которые осмеливаются любить, зная, что всему этому придет конец».

А я вообще-то не люблю предполагать, и ты это знаешь. Мне хорошо сейчас. Ты есть у меня. Я тебе пишу. И скоро к тебе приеду, и мы будем гулять по широким улицам зеленого города, теплый ветерок будет лишь слегка касаться его листвы. Мы будем вместе.

28 апреля 1992 г.

Это письмо навеяно сегодняшней твоей фразой: «Ты был бы моим бережком. Я бы к тебе всегда возвращалась». Письмо, скорее всего, не отдам тебе. Может, потом, через время, если оно у нас будет.

Мне уже не вновь такие твои мысли, пусть и не высказанные вслух. Я вспоминаю Новый год, последний, когда у нас появилась возможность встретиться его вдвоем. Но ты была грустная и все повторяла: «Давай поедem в город». Я же не соглашался, я так всего этого не люблю. А просто люблю быть с тобой. А тебе, видимо, со мной было так привычно и от этого скучно, а там, за окнами, где-то, ты хотела кого-то увидеть. Зря я так поступил.

Я же вижу, как ты кружишь по городу, что у тебя что-то происходит; когда получается не по-твоему, ты вдруг даришь мне свою фотографию и подписываешь ее: «Моему единственному другу». Как часто ты потом

будешь кого-то называть «моим единственным другом»? Искренне веря в это.

Ты увлеченно рассказываешь о своих новых знакомых. Ты показала мне человека, который якобы напоминает меня, каким я был раньше. Так мило было это сделать, так по-дружески, как единственному другу.

Ты носишься между своими новыми отношениями и неизменно доходишь до меня, пока доходишь. До меня, который чувствует тебя, понимает с первой буквы, для которого каждое твое слово и интонация его что-то значат, а поворот головы читаем, который ждет тебя, пусть тебе всегда и недостаточно этого.

Ты то хочешь определенности, спокойствия, неторопливости, то тебе все это надоедает, тебе хочется искр. Я же знаю, что такой же, как и прежде.

Я знаю, что никого не надо удерживать. Либо есть эта сила, то переполняющая тебя теплом и желаниями, поднимающая в небеса, то оттуда кидающая вниз оттого, что влюбленный часто сомневается, ему мало примет любви, а еще его охватывает ревность, это стремление к другому через обиды, расстояния и, наконец, годы, либо этого нет.

Теперь я понимаю, что не все люди способны любить всю жизнь только одного человека. И понимаю, что у всего есть свои сроки. Я представляю, сколько раз ты произнесешь это «только ты». Искренне веря в это.

Мы встретились. Значит, это для чего-то было нужно. И уже детской наивной мечтой становится мечта о единственном для меня человеке, который однажды появится в моей жизни и останется в ней навсегда.

И еще я понимаю, что для тебя существуют только твои переживания, важны только твои страдания. То, что других можно ранить, ты знаешь, но не хочешь и не умеешь прочувствовать, у тебя не болит от боли другого.

И мне уже тебе обо всем не рассказать.

Вот с такими мыслями я живу этой весной.

16 сентября 1992 г.

Уезжая, ты говорила, что приедешь скоро, просила, чтобы я ждал, чтобы я поверил тебе, что все будет славно, не так глупо, как было в этот год, что ты развеешь тоску.

А неделю назад пришло от тебя письмо, первое после твоего отъезда. В письме ты сообщаешь, что так же, как и раньше, а может, даже осознанней, любишь меня, что в тебе ничего не изменилось. Описываешь свою жизнь на каникулах. И я еще слабо, но осознаю, что она-то, жизнь, теперь другая. У тебя, а значит, и у меня. И вспоминаю свои слова о том, что это лето отдалит нас друг от друга, а правильнее сейчас сказать: «разъединит».

Но я все равно тебя жду. Разве может быть иначе?

3 октября 2015 г.

«Куда вы всё спешите?» – так однажды прокомментировали нашу постоянную переписку. А мы спешили, спешили обменяться записками, когда находились рядом, потом были письма, доставляемые лично или брошенные в почтовый ящик, письма с печатями местной почты, письма издалека. И телеграммы были, и надписи на стенах о тебе и обо мне.

В наших письмах, говорила ты, только ты и я, это другая жизнь, не та, где много говорится и все слова не те, где мы говорим и не понимаем

друг друга. Мне же именно на бумаге лучше удавалось передавать свои мысли и чувства. Получается, что наши письма жили своей жизнью.

И вот эти твои письма, в которых столько нежности, первозданности чувств и обещаний вечной любви, дошли до меня вновь. Я о них вспомнил через многие годы. И они оказались единственной ниточкой, соединяющей меня с тобой. Горько и сладко было вспоминать... Я так перенесся в то время, что окружающая обстановка превратилась в ту, дома и улицы стали теми домами и улицами, появилось ощущение, что вот сейчас я смогу свернуть за угол и оказаться в твоём дворе. В юных лицах я узнавал нас, мне казалось, что я могу просто набрать номер и услышать твой голос или сесть за письменный стол и написать тебе письмо, зная, что ты хочешь меня видеть, слышать и читать. Прошедшее стало настоящим. Я фанатично не мог оторваться от этих тетрадных листков с мелким почерком. Я умилялся, я ударялся о слова, иногда искренность их обжигала, в душе моей боролись самые противоречивые чувства. Я воссоздавал свои, ответные письма.

10 октября 2015 г.

...Вспоминаю, как не мог справиться со своим дыханием, когда читал эти строчки вслух:

Флоты – и то стекаются в гавани.

Поезд – и то к вокзалу гонит.

Ну а меня к тебе и подавней –

Я же люблю! –

тянет и клонит.

Я избегал смотреть в твою сторону. Все сошлось: имя автора, такого большого и не защищенного в своей любви, его строчки и ты... У меня дрожал голос.

...Мы идем по солнечным улицам города. Мы знакомы давно, и думается теперь, что с самого нашего начала. Голос мой уже не дрожит, и я уже не немой, как во время первой прогулки. Но я по-прежнему тебя люблю и знаю уже, что так будет всегда. Мы говорим о разном. Ты вдруг прерываешься и произносишь: «Как же мне хорошо с тобой вот так идти. Как же мне хорошо с тобой!» Я это знаю. И знаю, что мне так хорошо уже ни с кем не будет.

А потом ты уедешь, не попрощавшись со мной. Уедешь, движимая этим «вперед, вперед, там столько интересного, там интереснее». Уедешь к другим берегам. А я какое-то время буду двигаться по инерции. В толпе прохожих в разных городах выхватывать фигурку, похожую на твою, мне будет казаться, что вот это ты идешь, нет, бежишь, мне навстречу; иногда мне будет слышаться твой голос, называющий меня разными именами, а в висках пульсировать твои слова. Ведь вдруг так не наступишь, не раздавишь, не убьешь то, что было живо еще вчера. С чувством наполненности любовью к тебе трудно будет расставаться и с ощущением, что ты не одинок, тоже. От меня отречется друг, любовь окажется иллюзией. Ты не просто со мной не попрощаешься, ты это сделаешь так, что в своих воспоминаниях я останусь во тьме. А вот сейчас станет важным еще и то, что из моей жизни уйдет человек, который знал меня в нежном возрасте, который связывал меня с местом, где я вырос. Я желал не помнить. И забыл твои острые белые коленки, наш бег навстречу друг другу, наши руки в руке, а потом осторожное прикосновение ладоней, телефонные

разговоры по ночам и, как следствие, обрезанные провода, письма друг другу, надписи на стенах, наши вылазки из дома ранним летним утром, твои волосы цвета ранней осени, а пахнувшие летом, твои метания и мою преданность, наши ожидания весны, наше вчерашнее детство и наше завтра, наши постоянные «помнишь», мой восторг (у меня есть ты!) и твои мысли о неизбежном расставании. Отрывок жизни и целый, важный ее период. И не вспомнить, и не рассказать. Как будто не было. И я ощущал себя человеком без этого прошлого. Все почудилось.

А эти письма явились напоминанием и свидетельством моих первых чувств.

В письмах мы намного лучше, чем в реальности. Не в поступках, не в произнесенных словах, не в песне и не на картине, а именно в письмах ничего не надумывается, не обобщается, а есть только автор и его адресат. Письмо – это порыв, это потребность души пишущего, это ее изображение.

26 октября 2015 г.

Этой осенью ты снишься мне. Просыпаюсь и записываю сон. Сон или явь, записать – это единственный способ запечатлеть миг.

В первом сне я в пути. Не из самолета, это точно, передо мной огромное поле, вдалеке – лес. Я увижу тебя. Мне как-то бестолково в который раз объясняют дорогу. Вот я опять из чего-то выбираюсь, на этот раз из крошечной тьмы и воды. Я весь мокрый, обессиленный и, что хуже всего, я в отчаянии, от которого просыпаюсь.

В другой раз я во сне слышал тяжелые капли неуместного после уже не раз выпавшего снега дождя. Ты была такая тоненькая, без прожитых лет. На балконе за шторой. А потом рядом, с холодными ладошками. Мы о чем-то говорили, как будто виделись еще только вчера и в то же время очень давно.

Как многое возможно. Но не оказаться в комнате с сумерками за окном, с разгорающимся камином и книжными полками до потолка, сидеть напротив друг друга, говорить и смотреть друг на друга во все глаза... И ощущать неуходящую уютность души. Я не помню твоего запаха. Я его уже не знаю. Я многого не знаю. Так многое случилось уже без меня. И это не дает мне сейчас покоя.

20 ноября 2015 г.

В одном из писем ты просила, чтобы я обещал никогда не терять тебя. И пусть мои письма будут приходить все реже и реже, писала ты, но помнишь о тебе, а лучше о нас.

Видишь, как все изменилось с письмами вообще. Не потрогать, не вдохнуть запах, не вообразить эти сотни-тысячи километров, разделяющих тебя и того, кто подписывал конверт и его запечатывал, не провести пальцем по начертанию твоего имени, в котором читается отношение к тебе, и по милой сердцу подписи, в которой угадывается уверенность или неуверенность пишущего в твоих чувствах к нему. Не надо выбирать бумагу, ручку, выбрав наконец, комкать листки, досадуя, что слова не те. Поставив точку, опустив свою драгоценность в почтовый ящик, начать ждать. Ждать, ждать, всегда находиться в ожидании. И всегда знать, что письмо тебе придет.

Такие письма уже не приходят. А сегодняшние – из слов, составленных одинаковыми буквами, никакие дополнения к ним не передают настроение. У слов нет интонации. Порой, читая, ошибочно расставляешь акценты, неверно понимаешь смысл написанного. За этими пись-

мами не чувствуешь того, кто тебе пишет. Еще ты не уверен, что твое послание получит именно тот, кому оно предназначается. И куда уходит твое письмо, если, например, адресат удалил его или свою почту? Где и зачем оно хранится? И кто еще может его прочитать?

Письма стали другими, уходящими в вечность письмами одного дня. Бессильными и оттого бессмысленными.

И моих писем ты уже давно не ждешь...

20 марта 2016 г.

Я долго смотрел на обложку книги «Я ее любил. Я его любила», никак не мог понять, что мне мешает перевернуть страницу... Название. Я как-то прочувствовал: такого не бывает. Любовь, если она любовь, не имеет прошедшего времени.

Ты к человеку вдруг на какое-то время потеряешь интерес, тебя он может начать раздражать, ты решишь, что продолжение невозможно. Или он тебя может предать, рана затянется, ты вычеркнешь его из своей жизни. Ты интересуешься, увлекаешься, влюбляешься, живешь. Тебя уже «не стучит» при упоминании о нем, ты забываешь о человеке, ты о нем совсем не думаешь.

Отношения заканчиваются, но чувство продолжает жить вне человека, само по себе. Чувство, когда-то дарованное тебе, не убивается, не проходит, не контролируется тобой, не подвластно тебе. Существует вне всего и вечно. Уже данность, неизбежность, судьба, оно лишь слегка касается твоей жизни, и в то же время вся твоя жизнь пропитана им. Но однажды любовь пронзает тебя вновь. С силой в долгие лета.

6 апреля 2016 г.

С неба тихо падал снег в тот день в апреле, когда все только начиналось. И мы еще не знали, как это называется. И все еще было впереди. И все еще будет. А ты уже смотрела мне вслед, на меня, пересекающего площадь перед твоим домом, и на этот снег. А я этого не знал и не оборачивался. Оборачиваться я научусь потом.

Видишь, все-таки случилось, что «человеческая жизнь тянется слишком долго для одной любви» и «любовь чудесна», но «кому-то из двух всегда становится скучно», а «другой останется ни с чем».

И сегодня где-то так же тихо падает снег и так же все только начинается. Для других, уже не для нас с тобой. Теперь с каждым новым снегом, вдруг выпавшим в апреле, с каждой новой весной ты становишься все дальше и дальше от меня.

Ты как-то писала, что единственный способ для меня не стариться, оставаться молодым – чувствовать то, что было у нас в самом начале. И я... остаюсь, моя любимая девочка, самая звонкая и смелая, самая трогательная и нежная, неповторимая и незаменимая, самая невероятная девочка на свете. И я это знал еще в том самом начале.